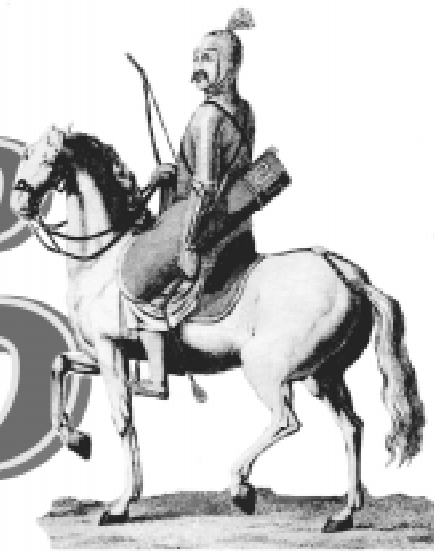

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ (выпуск 11)

В. П. МАЙКОП. 1862 г.

С 1856 года в истории кавказской войны начался новый период — период постоянных успехов, завершённых покорением Восточного Кавказа и племён Шамиля. В Закубанском крае, хотя русское оружие и не достигло ещё таких решительных результатов, но в последние 5 лет и там сделано многое, так что в настоящее время уже близок кризис, который должен повлечь за собой окончательное покорение и этих племён, а затем полное умиротворение Кавказа и прекращение борьбы, продолжающейся более 60 лет.

Но, отдавая полную справедливость успехам нашего оружия, за последние пять лет, необходимо сказать, что никогда положение дел на Кавказе не было более благоприятно, как в 1856 году.

Прежде всего, назначение главнокомандующим князя Александра Ивановича Барятинского и начальника главного штаба Дмитрия Алексеевича Милютина, принятое с восторгом всем Кавказом, придало новую жизнь военной деятельности в этом крае.

Во-вторых, блестящие победы наших войск в азиатской Турции и падение Карса, который народная молва на Кавказе считала неприступной твердыней, произвели на горцев весьма выгодное для нас влияние; затем заключение Парижского мира, уничтожив надежды непокорных племён на внешнюю помощь, не могло не парализовать, хотя отчасти, их сопротивления, доказав бесплодность их усилий и неминуемость конечного результата.

Наконец, правительство, не развлекаемое внешней войной, могло обратить все внимание на Кавказ и признало возможным значительно усилить денежные и военные средства, отданные в распоряжение главнокомандующего.

Две пехотные дивизии, присланные для войны в азиатской Турции, русские, как наивно называют на Кавказе, войска, не принадлежащие к коренному составу кавказской армии, были на время оставлены там; сверх того сформированы 4 драгунские полка и 4 стрелковые батальона; затем в начале 1857 года кавказская армия состояла из 165 бат., 28 эскадронов драгун и 320 сотен казаков с 309 орудиями, и 71 сотни милиции, собранной из местных жителей.

С такими силами главнокомандующий мог уже энергически вести войну одновременно на всех театрах, и хотя главные усилия и были обращены на покорение Восточного Кавказа, но в то же время и со стороны Закубанского края было приступлено к осуществлению того общего плана, который в настоящее время служит основанием всех военных действий.

План этот в главных чертах заключается в следующем: опыт давно убедил нас в невозможности мирным путем достигнуть покорности горцев.

Закубанские племена не раз уже изъясняли покорность, принимали присягу и выдавали аманатов; но, при первой перемене ветра в горах, всякая присяга забывалась, даже горцы, считавшиеся мирными, не ставили себе в грех

делать набеги на русские станицы и поселения. Добровольной покорности от этих племён ожидать было нельзя, и потому оставался один способ, — силой оружия довести горцев до крайности и вынудить их покориться.

Система действий, принятая нынешним главнокомандующим для достижения этой цели, составляя как бы свод всех прежних систем, заключается в следующем:

Прежде всего выдвигают вперед, к подножию гор, сильные укрепления с подвижными гарнизонами, соединённые между собой и с задними линиями просеками, достаточно широкими для того, чтобы горцы, засев в прилежащих лесах, не могли поражать двигающиеся по ним войска.

Эти укрепления, которые строятся преимущественно при выходах из важнейших ущелий, доставляя опорные пункты для действий наших войск, составляют передовую линию.

С устройством этих линий горцы лишаются уже возможности делать нападения на наши поселения, и окончательно теряют плоскости. Как только деревья очистятся от листвы, войска наши направляются в леса, покрывающие плоскости и предгорья, и, истребляя жилища гнездящегося там горского населения, вынуждают его принести покорность или удалиться в горы, а так как плоскости кормят горы, доставляют неприятелю возможность иметь кавалерию, то отнятие их есть всегда важнейший шаг к конечному покорению гор.

Имея опорные пункты и безопасные сообщения, остается только занять плоскость сильным казачьим поселением, и в заключение, наступательными действиями внутрь горного пространства довершить дело покорения. Так действовали наши войска в Чечне, в том же заключается и настоящие действия в Закубанском крае.

До 1857 года главные усилия были обращены со стороны Восточного Кавказа, где мы имели уже в предгорьях передовую линию с крепостями Урус-Мортаном, Воздвиженской и Внезапной. Со стороны же Кубани положение дел и в это время было то же, как и в 1845 году. Плоскости были ещё совершенно во власти горцев, отделённых от наших поселений Кубанью и Лабой.

Но Кубань и Лаба весьма не надёжно защищали наши поселения. Лабинская линия прикрывала их с запада, но с юга вся местность между верховьями обеих этих рек была совершенно открыта для неприятеля.

Наконец, как Кубань, так и Лаба замерзают и все ближайшие к берегу станицы всю зиму остаются в самом напряжённом положении, ожидая каждую минуту нападений.

Несмотря на усиленную бдитель-

ность казачьих кордонов и на регулярные войска, присылаемые в это время для их подкрепления, горцам не редко удается прорываться за Кубань, грабить отдельные хутора и увозить пленных и скот. Дерзость их доходила иногда до того, что они решались штурмовать наши станицы и в зиму на 1857 год, в огромных скопищах, подступали даже к самому Екатеринодару, главному городу Черномории.

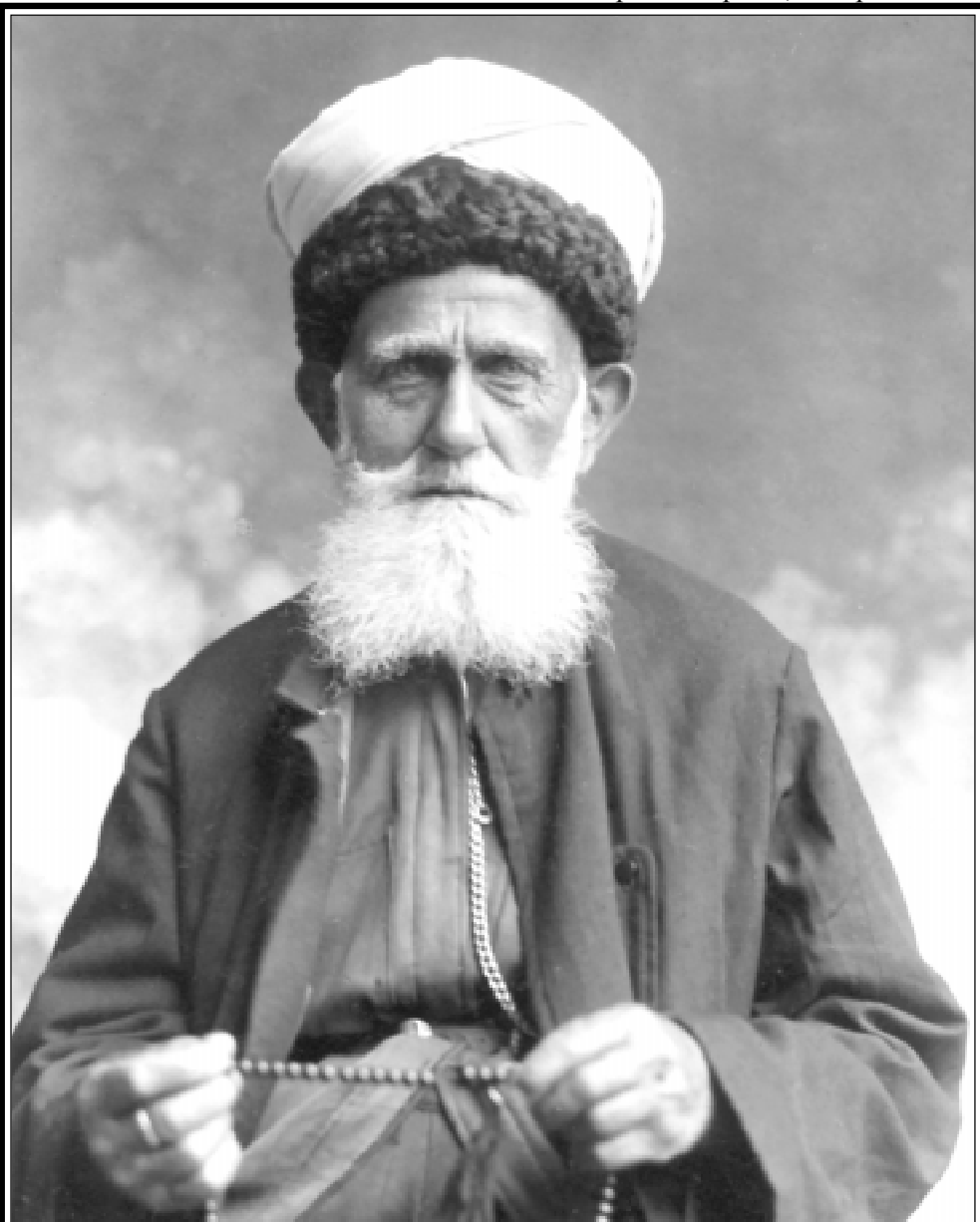
Чтобы прекратить подобное положение дел, летом 1857 года решено приступить к водворению передовых пунктов: с одной стороны на Адагуме, чтобы отрезать треугольник, между этой рекой, Кубанью и морем, с другой же стороны возвести укрепление при выходе Белой из Майкопского ущелья на плоскость, перенёся туда из Нальчика штаб-квартиру Кубанского пехотного полка.

Кавказские штаб-квартиры играют ту же роль в деле цивилизации, как блокгаузы американских поселенцев. Как там схватеры с ружьем и топором

в руках подвигаются на дальний запад, тесня перед собой дикие орды краснокожих, так и на Кавказе русский солдат вносит цивилизацию в недра гор и среди фанатического и ожесточённого мусульманского населения ставит свою штаб-квартиру, кровью покупая всякое бревно.

Мало-помалу форт становится городком; окрестные поселенцы, убедившись в невозможности силой вытеснить незваных пришельцев, начинают понемногу входить с ними в сношения, знакомятся с новыми потребностями, сами являются в штаб-квартиры и начинают, наконец, торговать с урусами; окрестная страна успокаивается; вокруг форта, под его защитой, вырастают русские поселения; но кавказский солдат не отдыхает от своих трудов, а бросает им самим устроенное гнездо и снова идет вперед навстречу новым трудам и опасностям.

В 1857 году отряд, назначенный для возведения Майкопского укрепления, сосредоточился на Кубани к концу апреля в числе 9 батальонов и 6 эскадронов драгун. Выступив из Тенгинской станицы 1 мая, под личным начальством командовавшего в то время войсками правого крыла, генерал-лейте-

Брантов Зачерий. Народный сказитель и энтузиаст музейного дела в Адыгее. Фото 20-х годов XX в. НМРА.

ИЗ ИСТОРИИ МАЙКОПА

нанта Козловского, и прибыв через два дня к Майкопскому ущелью, отряд приступил к постройке укрепления на месте бывшего здесь в тридцатых годах укрепленного лагеря Вельяминова.

Предстоявшая войскам нашим задача была нелегкая. Если в Чечне и Дагестане мы имели дело с населением, составлявшим одно сплошное целое, руководимое Шамилем, за то в последний период войны там было много обстоятельств, облегчавших наши действия. Фанатизм, воодушевлявший горцев в первые годы мюридизма, уже погас; там старые сподвижники Казимуллы и Шамиля, Хаджи-Мурат, Ахверды-Магома и другие, по большей части, не существовали; наконец, самое население было истощено, доведено до разорения и пало духом, видя бесполезность сопротивления. За Кубанью же, войскам нашим предстояло иметь дело с воинственными черкесскими племенами, которые еще не испытывали силы русского оружия; притом эти племена поддерживали постоянные сношения с Турцией и, не зная на наших крейсерах, получали отсюда порох и оружие, а потому имели несравненно более способов к ведению войны, чем племена Восточного Кавказа. Закубанские горцы имели даже штуцеры и исправную артиллерию.

С первым шагом в землю абадзехов, войска наши встретили самое упорное сопротивление. Первое же дело, во время первоначальной рекогносцировки Майкопского ущелья, стоило нам 31 офицера и 12 нижних чинов, ранеными и контуженными. Ожесточение горцев не знало пределов; в редком деле не доходило до самой отчаянной схватки; наконец, не довольствуясь нападениями на наши передовые посты и на высылаемые из отряда колонны, горцы, собравшись, в числе до 5 тыс. чел., решились даже 26 мая атаковать са-

мый лагерь отряда. Сильная потеря, понесенная при этом, несколько отрезвила горцев, а приближение времени полевых работ вынудило неприятельский сбор разойтись по домам; после того в течение лета, хотя неприятель, от времени до времени и производил нападения, но, по большей части, дело ограничивалось мелкими перестрелками, так что летом отряд пользовался сравнительным спокойствием.

К наступлению холодного времени, в укреплении были окончены верки и наиболее необходимые постройки: госпиталь, пороховые погреба, офицерские флигеля и часть казарм для нижних чинов; остальная же часть гарнизона на зиму расположилась в землянках.

С окончанием инженерных работ начались зимние действия, состоявшие в очищении ближайших окрестностей укрепления от лесов и в уничтожении неприятельских аулов, расположенных в Майкопском и Курджипском ущельях. Вместе с тем, по прежнему начались ожесточенные схватки с горцами, получившие особую живость от присутствия Магомет-Амина, бывшего во время летних действий в Константинополе.

Из дел этого времени особенно памятно дело 18 ноября, когда колонна из 5 бат. и 4 эскадр., высланная для рубки в Длинный лес, под начальством полковника Вельяшева, была атакована из засады сильной неприятельской партией. Выскочив неожиданно из леса, горцы успели смять цепь 4-го батальона Кубанского пехотного полка и с яростью ударили в шашки на один полубатальон этого батальона. Встреченные штыками кубанцев, горцы после кровопролитной рукопашной схватки были отбиты, понеся страшный урон, о котором можно судить по количеству оставленных на месте боя тел. Как известно, у горцев считается бесче-

стным оставить тело убитого в руках неприятеля, а между тем, в этот день в наших руках осталось до 30 тел; но и нашим войскам этот день стоил 29 человек убитыми и 81 ранеными.

В течение зимы войска наши успели вырубить леса, покрывавшие гору, лежавшую против укрепления, на левом берегу Белой; в то же время, усиленными поисками в Майкопское и Курджипское ущелья неприятельское поселение вынуждено было удалиться в глубь гор. С этих пор положение Майкопа упрочилось. Хотя 16 августа 1858 года сильный пожар, пройдя полосой по всему укреплению, и истребил в нем часть казенных и частных построек, но тем не менее развитие его продолжалось безостановочно. В настоящее время Майкоп, штаб-квартира полка, местопребывание начальника Белореченской линии и средоточие управления горским поселением, начинает принимать вид городка тем более, что теперь наши укрепления уже подвинулись к самым верховьям Белой, и Майкоп остался во второй линии.

Положение Майкопа весьма выгодно во всех отношениях: р. Белая, которая до выхода из ущелья, течет к северу, выходя на плоскость, круто поворачивает влево, омывая подошвы Черных гор; к западу от Майкопского ущелья, параллельно ему тянется ущелье Курджипское, в котором течет р. Курджипс, впадающая в Белую, верстах в четырех от Майкопского ущелья. Между обоими этими ущельями, на высотах правого берега Белой, стоит Майкоп, прилегая одной стороной к крутому обрыву над рекой. Укрепление имеет почти овальный вид и обнесено валом полигонального начертания с 6-тур-бастионами по углам, вооруженными артиллерией. Два из них обращены к Белой; остальные же к плоскости. В военном отношении, Май-

коп дает возможность наблюдать как за Майкопским, так и за Курджипским ущельями. Но кроме военного значения, Майкоп расположен весьма выгодно и в прочих отношениях. Стоя на окраине гор, он пользуется отличным климатом, не терпя недостатка ни в лесе, ни в лугах, как дагестанские укрепления, и не страдая от лихорадок, как укрепления расположенные в болотистых низовьях Кубани. Местоположение Майкопа необыкновенно живописно. С севера от него тянется обширная Прикубанская равнина, с возникающими по ней казачьими станицами; с юга поднимаются мягкие очертания Черных гор, покрытые лесом, и наконец дальний горизонт замыкается зубчатыми вершинами главного Закавказского хребта, над которым высится снеговая вершина Оштена.

В последнее время Майкоп начинает терять свой боевой характер; но зато, благодаря заботливости нынешнего командира Кубанского полка, полковника Горшкова, человека чрезвычайно деятельного, это укрепление начинает быстро развиваться. Вокруг его валов возникают слободки женатых нижних чинов и других гражданских поселенцев. На горе левого берега Белой, на которой летом 1857 года горцы устраивали свои батареи, теперь разведен сад. Все дома, после пожара 1858 года, выстроены вновь и притом гораздо лучше; а улицы вымощены. Одним словом, если только военные обстоятельства не заставят бросить Майкоп, как отживший свой век, то он без сомнения обратится, наконец, в городок и вокруг него сгруппируется русское население, которое начинает селиться за Кубанью, вытесняя горцев из их наследственных угодий.

Русский художественный листок, издаваемый с высочайшего соизволения, Василием Тиммом. СПб., 1862. № 20 (10 июля). С. 75-77.

МАХВИЧ-МАЦКЕВИЧ А. О. АБАДЗЕХИ, ИХ БЫТ, ПРАВЫ И ОБЫЧАИ. 1860 Г.

На Кавказе, поступил к нам в подданство новый народ, абадзехи.

Подданство абадзехов тем для нас важнее, что теперь на всем Кавказе остался непокоренным небольшой лишь уголок, у самого Черного моря.

Уголок этот населен тоже горскими племенами, а именно шапсугами и убыхами.

Страна, занимаемая абадзехами, с одной стороны прилегает к рекам Белой и Кубани, с другой касается земель населенных убыхами и шапсугами. Высокие горы, покрытые сплошным дремучим лесом, перерезанные множеством потоков, бесчисленными ущельями, оврагами и пропастями — вот их отечество. Нигде нет ни следа никакой дороги. Местами виднеется только узкая тропинка, которая, извиваясь над пропастями, теряется в чаще. Непривычный всадник на подобной тропинке легко может сломить себе шею, но горская лошадь легко несет своего всадника — абадзеха, смело перепрыгивая через овраги и пропасти, даром что некованная. У абадзехов нет обыкновения ковать лошадей.

Не видно в земле абадзехов ни городов, ни сел потому что абадзехи живут по деревням, которые строятся вразброску, хижин по сто в каждой, и каждая из таких деревень занимает собою не меньше семи квадратных верст.

Жилище у абадзехов устроено следующим образом: высокий крепкий пле-

тень с терновыми ветвями наверху окружает большой двор. С одной стороны двора полукругом расположены хижины, с другой хлевы для коров, овец и коз. Среди хижин, стоит «юнех-шуха», что значит «большой дом», в котором живет глава рода с своею женою и детьми, не достигшими 12-летнего возраста. В этой хижине хранится также самая важная движимость целого рода, а именно: постели, число которых доходит у некоторых до 50, железная посуда, медные кружки для воды, сундуки с платьем, бельем, сафьяном, а также запас оружия и пороха.

Все хижины выстроены из дерева или сплетены из ивовых прутьев. Стены обмазаны глиною и выбелены снаружи и изнутри; пол делается из хорошо утоптанной глины; крыша из досок, свех которых кладется еще по большей части солома, придерживаемая поперечными балками. Потолок в хижине так низок, что можно легко достать его головою, и состоит из балок, отчего крыша видна изнутри хижины.

Посредине избы находится большой очаг из досок или плетня, обмазанного глиною; по обе его стороны, а иногда и по одну, сделаны возвышения, которые заменяют собой кровати. Двери делаются из толстых дубовых досок и запираются изнутри деревянною задвижкой. Вместо окна, в стене сделано небольшое отверстие, через которое и освещается комната. Когда же зимою и ставень и дверь закрыты, то

комната освещается огнем очага.

Под одною кровлей с хижиною, отделенная только тонкой стеною, устраивается конюшня на 4 или на 6 лошадей. Дверь в конюшню запирается бревном изнутри хижины.

Подобная хижина состоит из одной комнаты; иногда легкая перегородка делит ее надвое: в одной половине живут хозяева, другая служит кладовою.

Внутреннее убранство очень просто: оно состоит из циновок, на которые положены подушки; нет в доме ни столов, ни стульев; в редких бывают скамьи. Постели убираются на день и расстилаются только, когда приходит время ложиться спать.

В хижинах этих зимою очень холодно. Ветер наносит хлопья снега в дымовое отверстие очага, и хотя дрова абадзехам ничего не стоят и огонь горит целый день, однако в комнате оттого не теплее: ветер свободно проникает в хижину.

Все хижины абадзехов сходны между собою и внутреннее их убранство одинаково.

На том же дворе, где живут родители, для детей тоже выстроены отдельные хижины. У каждого женатого сына своя хижина, а также у каждой взрослой дочери. Если семья многочисленна, то на дворе стоит иногда до 15 подобных хижин, обращенных лицом к середине двора.

Шагах в 20 от большой хижины стоят амбары, построенные каждый на

четырех высоких толстых столбах. Эти амбары невелики, но их строится несколько: у людей зажиточных бывает до 10, а иногда и более.

За хижинами стоят плетенные сараи для сена и соломы, а также помещенные для овец, коз, буйволов; птичники для домашней птицы и загороды для коров, которые и зиму и лето стоят под открытым небом.

Плодовые сады и огороды, обнесенные плетнем, примыкают ко двору. Если хозяин дома владеет рабами, то дворы последних находятся вблизи от двора владельца, и расположены совершенно также, как и дворы его владельца, так что жилище раба ничем не отличается от жилища господина. Те рабы, у которых есть семьи, живут на дворе владельца в особых хижинах.

Вне ограды, на расстоянии от нее от 50 до 100 шагов, построен так называемый «хаджи-юнех», т. е. хижина для гостей, в котором никто не живет и который назначается исключительно для гостей. Даже беднейший из абадзехов непременно выстроит подобную хижину.

Одеваются абадзехи очень просто, покойно и вместе с тем щеголевато. Мужчины носят длинный, до колен достигающий кафтан из беловато-серого или коричневого сукна. Богатые стараются достать иностранные сукна светлых цветов. Сюртук шьется без подкладки, с длинными широкими рукавами, без воротника; в поясе он за-

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

стегивается несколькими маленькими пуговками и перетягивается ремненным поясом; на груди делается место для 40 патронов, которые точатся из дерева или кости. У богатых это место на груди вышивается серебром.

Под кафтан надевается архалук, кафтан, более короткий, который шьется из тонкого сукна, шелковой или бумажной материи светлых цветов. Кафтан делается на подкладке, с высоким воротником, длинными рукавами и застегивается от шеи до половины тела. Под ним надевается еще второй, из белой бумажной материи, сшитый также как и тот, но короче. Узкие, внизу суконные, большей частью красные, панталоны составляют остальное одение.

Голову прикрывает высокая, на толстой подкладке, баранья папаха, которая выдерживает сабельный удар.

Обувь состоит из полусапожек цветного сафьяна, на которые надевают еще башмаки (чевяки) в виде калош. И одежда и обувь у богатых украшается серебряным шитьем; против холода они употребляют бараньи тулупы, которые надевают под верхнее платье; против дождя — бурку и башлык. Отправляясь из дому, надевают камашу (наголенники), которые доходят почти до колен.

Одежда женщин состоит из длинного верхнего платья, которое доходит почти до лодыжек, открытого спереди, без воротника и с длинными рукавами. Под ним кафтан, идущий гораздо ниже колен, застегивающийся сверху донизу и перевязанный посредине поясом, который богато украшается серебром и золотом. Затем шаравары, широкие и длинные, и наконец обувь, такая же как и у мужчин. Головной их убор очень красив: он состоит из высокого чепца, в форме сахарной головы. Эти чепцы вышиваются очень богато; с верхушки его идет очень длинное, почти до земли достигающее покрывало. Мужчины носят низкие чепцы. Материи для платья берутся большей частью пестрые. Богатые носят платья из шелка и атласа. Женщины и девушки ходят всегда с открытым лицом.

И все это, да и вообще все, что нужно абадзеху, готовится у него же дома. Из овечьей шерсти жена приготовит ему некрасивое, но прочное сукно, серого и грязно-белого цвета. Из льна, собранного на собственном поле, она выткет грубое полотно, которое и выбелит, хотя довольно плохо. Волосья шкуру, хотя и грубо, отделает мужчина; из овечьей и козьей шкуры он приготовит порядочный сафьян. Все платья и обувь шьют у него в доме женщины и девушки, они же разукрасят все это золотом и серебром с большим искусством и вкусом, и шитьем, до которого такой охотник абадзех. Даже телегу и земледельческие орудия делает он сам. Вне дома делается только циновка и бурка. Циновка, которая кладется на пол в каждом доме, там, где растет хороший тростник, готовится с большим искусством; многие семейства только тем и занимаются, что деланием циновки, и торгуют ими по всей стране. То же и бурка. У абадзехов покупают бурки и прочие горцы, потому что нигде на всем Кавказе не умеют сделать ее так хорошо как абадзехи. Да еще оружие делается вне дома. Для этого есть особые оружей-

ники и серебряники, которые, с помощью немногих инструментов, делают отличное оружие и отлично украшают его серебряною и золотою насечкой, которой мы часто удивляемся, так она красива.

В семье отец — неограниченный властитель, которому все должны повиноваться. Пока он жив, сыновья обязаны жить с ним вместе. Они могут разделиться только после его смерти и то не иначе как с тем, чтобы двор и большая часть движимости досталась старшему. Мать имеет в доме такое же влияние, как и отец, и свято чтится всею семьею. Она ведет все домашнее хозяйство: и женщины и девушки у нее в распоряжении; они не имеют права завести особое хозяйство, особую кухню. Мать раздает всем одежду, надзирает за ее приготовлением. Кушанье готовится для всех вместе, под ее же надзором, и раздается два раза в день: за час до полудня и немедленно после солнечного заката.

Когда наступает время обеда, приходит в «юнех-шуху» молодой парень с лоханью и кувшином тепловатой воды, за ним другой несет мыло и полотенце. Так как там употребляют

руки. Иногда подают 20 и даже до 30 кушаний, но, в сущности, все это одно и то же, только в разных видах.

Правда, что такое количество кушаний подается только у богатого абадзеха, но и бедные там едят весьма хорошо. Барана и кашу вы найдете на столе у самого бедного из беднейших абадзехов, потому что абадзехи содержат многочисленных стада овец и коз, которые на Кавказе имеют бесподобный вкус. Однако случается, и даже нередко, что абадзехи принуждены бывают и голодать. Причиной их голода бывали или падеж скота, или налет саранчи.

Пьют абадзехи чистую воду. Вина не пьют и не делают, несмотря на то, что по лесам и горам растет бесчисленное множество дикого винограда. Мед и довольно крепкое питье, называемое «шветт» и приготавливаемое из проса и меда, абадзехи готовят на праздники.

Общественный праздник у абадзехов есть всего один в году, в начале июля, в честь успения пресвятой богородицы. По нашему этот праздник бывает в августе. Вряд ли найдется на целом свете народ, верования которого представляли

вотворящему кресту, и этот знак христианства замечается здесь до того преобладающим, что нет хижины, в которой бы его не было. Даже те из абадзехов, которые приняли магометанскую веру, до того уважают крест, что нашивают, или же вшивают его в намазник, т.е. ковер, на котором они стоят на коленях во время молитвы. И вшивают его именно на том месте, где молящемуся приходится касаться челом во время поклона.

«Крест свят потому», говорят абадзехи, «что Еша, сын великого Та носит его на себе». «Еша» на их языке значит Иисус, а «Та» — Бог. О страданиях же Спасителя нашего и о его смерти, абадзехи ровно ничего не знают — до того забыли они христианское учение. Да и как не забыть им, когда очутились они окруженными со всех сторон или язычниками или магометанами, и из всех соседей их одни мы — христиане, но до подданства нам абадзехов, могли ли они иметь с нами какие-нибудь дружелюбные сношения? Очевидно, нет. Да к тому же, к несчастью, у абадзехов нет письменности, жрецы их не умеют ни читать, ни писать.

Абадзехи не знают и не совершают никаких таинств: не знают и не чтут памяти ни святых, ни мучеников. Но Матерь Божия почитается у них, как в христианских землях. Богородицу называют они на своем языке «То-Нас», что значит Матерь Божия; или «Мора», т.е. Мария, или «Та-Мора», т.е. Мария Божия, и, как уже мы сказали, торжественно празднуют Успение Ее.

Празднуют абадзехи этот праздник и совершают богослужение где-нибудь в лесу, под открытым небом, у какого-нибудь в древности еще сложенного из грубых камней алтаря, в который водружен, прапрадедами еще, может быть, старый деревянный крест, предмет их почитания, святыни абадзехов. Ни храмов, ни часовен у них нет.

В день праздника, к полудню, со всех сторон стекаются абадзехи к назначенному месту. Старые и малые, мужчины и женщины, кто верхом, кто пешком, в праздничных нарядах.

У алтаря, между тем, их дожидается уже жрец, седой, как лунь старец, с длинною бородой. Платье его ничем не отличается от платья прочих горцев. Церковного одеяния абадзехи не знают. Стоит старик у алтаря, а молодые парни подводят к нему назначенных в жертву животных, — четыре молодых быка, восемь баранов и восемь козлов. По сторонам жреца становятся пять мальчиков, двое по правую, трое по левую руку. У первых в руках три деревянные, одна в другую вложенные чаши, у последних деревянный кружок с тремя ножами различной величины. На каменный помост у алтаря ставят корзины с хлебом, с лепешками из маиса и пшеницы, с медом и маслом, и сосуды с молоком и шветтом.

Поодаль алтаря, полукругом становятся мужчины, а за ними толпятся женщины и девицы. Шагах во ста от алтаря раскладываются полукругом же костры до 30 числом, а иногда и более, а над ним вешаются котлы с водою.

Когда все это готово, старик снимает шапку, то же делают присутствующие, и водворяется мертвая тишина. Старик начинает молитву, которой слова повторяет за ним все собрание, мужчины с глубокими вздохами, а женщины плачевно-певучим голосом:

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

«Та даге! Та шуга! Та иттики! Еша, Та-ок Маара! Та-нан! Та, Та! То есть: Прекрасный боже! Великий Боже! Мы бедные!.. Иисусе, Сыне Божий! Мария, Мати Божия! Боже! Боже!..»

Во время молитвы, старик то поднимает руки к небу, то складывает их крестообразно на груди, а собрание повторяет все его движения. С четверть часа молится так старик, замолкает, надевает на голову шапку, что делают присутствующие, и, взяв один из ножей с кружка, передает его близ стоящему абадзеху. Тот передает другому, другой третьему, третий четвертому, пока таким образом, переходя из рук в руки, нож не возвратится опять в руки старика. Получив нож обратно, старик берет из рук мальчиков одну из чаш и подает знак, чтоб подвели к нему одно из предназначенных в жертву животных. Несколько сильных парней миглом повергают на каменную площадку у алтаря ревущего быка, и старик, молясь про себя, перерезывает ему горло, и кровь его сливает в чашу. Вслед за тем подводят к нему другого быка, а потом и третьего и четвертого. Когда быки зарезаны, старец опять обращается к алтарю и, подымая к небу руки, вместе с окровавленным ножом, снова повторяет известную уже нам молитву, которую, также как и прежде, повторяет за ним все собрание.

Затем старик берет с кружка другой нож, этот опять обходит все собрание, и когда возвратится в руки старика, тот из рук мальчиков берет другую чашу и режет таким же образом баранов, как прежде зарезал быков, и кровь их сливает в другую чашу. После этого опять молится, берет третий нож, и этот, также как и первые два, обходит все собрание. Старик берет последнюю чашу, ему подводят козлов и он режет их с тихой молитвой и кровь их сливает в третью чашу; когда таким образом зарежутся все назначенные в жертву животные, и чаши с кровью поставятся на каменную плиту, вправо от алтаря, то каждый из абадзехов спешит обмочить в одной из этих чаш, кто кусок сукна, кто кусок полотна, а кто просто пальцы; некоторые из них тут же кровью этой капают на свое оружие: так как жертвенная кровь считается у абадзехов самым действительным средством не только против болезней, но и против всяких чар.

Когда каждый обмакнет таким образом в жертвенной крови или кусок сукна, или свои пальцы, то молодые парни и девушки уходят к кострам, где с зарезанных животных начинают снимать кожи, рубить мясо и готовить пир, а у алтаря остаются одни женатые да замужние, старик же жрец становится в нескольких шагах от алтаря. Тогда каждый, у кого есть какая-нибудь особенная просьба, подходит к старцу и передает ее, а тот сейчас же идет к алтарю и молится там. Помолвившись, он возвращается на прежнее место, выслушивает просьбу другого, опять идет к алтарю, опять возвращается, выслушивает третьего, и так далее, пока не выслушает всех. Таким образом, по мнению абадзехов, всякая просьба их должна достигнуть до великого Та не иначе, как через посредство жреца, который, заметив мимоходом, не получает за это от абадзехов ровно никакой платы.

Когда кушанье готово, то старики и женщины садятся на землю кучками по шести, по восьми человек за маленькими низенькими столиками.

Юноши же и девушки не садятся, а должны прислуживать старикам. И вот мясо всех жертвенных животных, при-

готовленное обыкновенно с просяною крупую, быстро исчезает, потому что обыкновенно больше тысячи человек собирается в одно место на праздник. Кушанья же, поставленные у подножия алтаря, т.е. корзины с хлебом, медом и маслом, а также и сосуды с молоком и шветтом, остаются нетронутыми. Они предназначаются в подкрепление усталому путнику. Жертвенные ножи, чаши, а равно и кожи убитых животных составляют неотъемлемую собственность жреца.

Абадзехи уверены, что сама Маара сходит в этот день, с небес на землю, принимает участие в празднике, и, оставаясь невидимою, благословляет и награждает тех, кто участвует в этом празднике.

Успение Пресвятой Богородицы — одно из самых важных, глубоко укоренившихся в народе воспоминаний о господствовавшем когда-то здесь христианстве. Это — единственный день в году, когда во всей земле прекращается всякая тяжелая работа, все одеваются в лучшие свои платья и вся страна оглашается радостными песнями и ружейными выстрелами, в честь Пресвятой Девы Марии. Других праздников общественных абадзехи не знают. Там только, где введена впоследствии вера магометанская, там введены и магометанские праздники, но и там память Успения Богородицы чтится также высоко и свято как и в земле абадзехов-христиан.

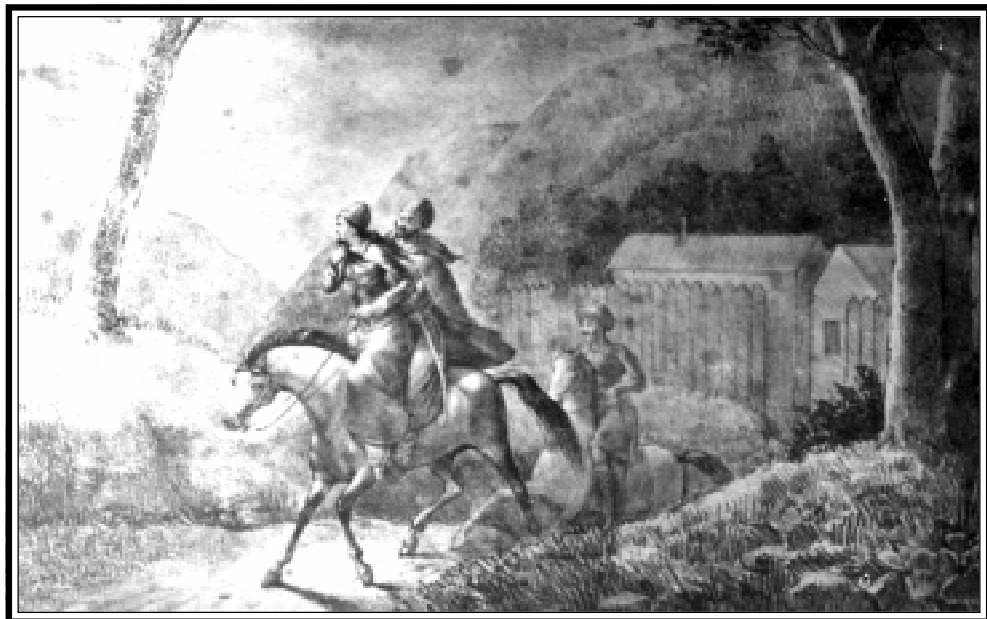
Абадзехи до крайности суеверны. Они думают, что у каждой реки, у каждого леса, у каждой горы есть свой особый дух — покровитель. Нередко они считают нужным делать им приношения, и для этого носят пищу и питье, которое и оставляют в лесу или на горе. Весьма часто можно встретить у абадзехов маленькие деревянные изображения этих духов-покровителей.

Огромное значение придают абадзехи снам. Снотолкователи пользуются у них большим уважением. Лишь только соберется несколько человек, сейчас же начинают рассказывать они друг другу свои сны, которые тут же и объясняются, и слова подобного снотолкователя имеют огромный вес, потому что абадзех никогда или очень редко предпримет такое дело, за которое не советует ему взяться гадатель.

Кроме того, у них есть множество различных преданий о заколдованных горах, где злые духи стерегутклады, о крылатых змеях. Сильно укоренено предание, что если русские проникнут в такое-то или в такое место, то страна будет покорена. Особенно пользуется подобной славою одна каменная громада, где, по словам горцев, погребен древний владетель гор вместе со своими сокровищами; дух его охраняет гробницу и как только русское войско станет на могиле этого богатыря, то весь Кавказ будет покорен безвозвратно. Каменная громада эта возвышается между реками Мезибом и Пшатом.

Одно из самых распространенных преданий, не только между абадзехами, но и другими горцами есть следующее:

На высокой горе, где лежит вечный снег, на самой ее вершине, есть громадный, круглый, тяжелый камень. На этом камне сидит древний старик. Белоснежные его волосы, покрывая голову, ниспадают до самого пояса; длинная борода его достает до ног; все тело старика густо обросло седыми волосами; на руках и ногах его чрезвычайно длинные когти загнулись словно орлиные; его глаза горят, словно два рас-

каленных угля. На шее, посредине тела, на руках и на ногах у него тяжелая цепь, которою он прикован к скале. Так сидит он страдает несколько тысяч лет.

Старик этот, по словам горцев, прежде был одним из лучших слуг великого Та, но он возгордился и хотел свергнуть Та, а сам занять его место, но за свою дерзость был низвержен и прикован к скале.

Горцы рассказывают, что хотя доступ к этому старику сопряжен с тысячею опасностей, однако есть люди, которые видели старика; но никому не дано, говорят они, видеть его два раза. Кто хотел достигнуть этого, тот погибал безвозвратно. По словам горцев, старик очень рад и становится весел, когда увидит живого человека. Он каждому, по обыкновению задаст три вопроса: первый — оставили ли туземцы страну? Второй: все ли юноши воспитаны в школах? И наконец: приносят ли все дикорастущие плодовые деревья много плодов? Жадно задает он эти вопросы и, получив на них, по обыкновению, отрицательный ответ, смущается.

Семейный праздник у абадзехов составляют или свадьба, или похороны, других праздников нет.

Девушку здесь против воли не выдают замуж; но она также не может выходить без согласия родителей. Жених старается как можно более узнать девушку, на которой хочет жениться. Как везде, так и здесь, обращается внимание на достаток и значение родителей, на нравственность и способность к женским рукоделиям невесты, на взаимную склонность и красоту.

Ежели жениху позволено навещать невесту в доме родителей, то это начинается молчаливое согласие; и жениху остается только приобрести согласие невесты. Если девушка согласна выйти замуж за своего искателя, то она назначает ночь, когда ее увезет жених. Увоз невесты — старинный обычай.

Когда наступает назначенная ночь, жених, сопровождаемый своими друзьями, садится на лошадь и тихо, осторожно подъезжает к хижине, где живет невеста. Кроме невесты, которая заготовила уже узелок с лучшими своими платьями, в тайну посвящены и родители, которые, однако, показывают вид, будто бы ничего не знают. Невеста прислушивается. У забора раздается легкий свист. Невеста незаметно ускользает со двора, жених схватывает ее, вскакивает с нею вместе на лошадь, возвещает о своем торжестве пистолетным выстрелом и мчится быстрым галопом. Друзья прикрывают его с тылу. Они тоже стреляют из ружей и слышится громкий крик, обозначающий похищение. На эту тревогу, вооруженные люди выскакивают со двора, садятся на лошадей,

соседи следуют их примеру и все мчатся в погоню за похитителями.

Между тем похититель успел уже ускакать и достиг своего места, где надеется сохранить в безопасности свою невесту; а его провожатые кричат, стреляют и рассыпаются по нескольку и по одиночке в разные стороны, затем чтобы обмануть преследователей. Горе тому жениху, который был бы пойман! С ним поступят как с вором: отнимут невесту, коня, оружие, снимут платье; потом избьют и станут в добавок преследовать насмешками; вещи он должен выкупить приличными подарками и во второй раз попробовать счастья. Случается однако же, что девушка более о нем и слышать не хочет, стыдится его.

Если же дело удалось, то он привозит невесту во двор хорошего своего приятеля, где уже приготовлены для них и помещение и стол. В продолжение целого месяца молодые ни о чем не думают, кроме своей любви. Каждый день, с восходом солнца, муж оставляет хижину и день проводит у приятеля, вечером же возвращается опять к жене. Во все это время он не должен попадаться на глаза не только своих родителей, но и какого бы то ни было старого или почтенного человека.

По истечении месяца, молодую навещают ее мать и незамужние ее сестры. Теперь молодая оставляет тот дом, где прожила все это время и с большою свитою, с песнями и ружейными выстрелами переселяется в дом, который ближе ко двору ее мужа, обыкновенно не далее как на четверть часа расстояния. Здесь проводит она еще неделю, но мужу не дозволено теперь посещать ее. Все общество молодой состоит из ее матери, сестер и некоторых знакомых.

А муж, в тот день, когда уехала его жена в другую хижину, собирает своих друзей, родных и знакомых, заготавливает для своих родителей подарки, и весь поезд, предводительствуемый двумя из друзей, с пением и ружейными выстрелами медленно подвигается к дому родителей молодых. Приехав на место, поезд останавливается. Двое вожakov входят в дом, сам же молодой должен оставаться далеко позади и ждать, чем кончатся переговоры. Предводители поезда входят в хижину, где их ожидают уже родители. Вошедшие кланяются и передают поклон от сына; потом в красных словах рассказывают о сыне, о невестке, которую хвалят и превозносят до небес, ярко расписывают счастье, которое ожидает молодых и в заключение просят дозволить молодым вход во двор и очистить для них жилище.

(Продолжение следует).

